

Я о том
послевоенном годе
вспоминаю, горько
всякий раз,
лишь увижу
на собачьей морде
пару добрых
человечьих глаз.
Замер в самоуглубленной позе
суслика
мальчишка с ноготок,
худосочный,
словно из подполья
выбился картофельный росток.
Холодно в избе
и пусто, пусто.
В мареве лица белеет тускло
сжатых губ бескровный кулачок.
Оживает на двери сучок.
На него глядят протяжно, сумно,
глаз печальных омуты.
Робка,
на боку в углу тряпичной сумки
ищет... хлеб нащупала
рука.
Мнется мякиш под ладошкой жадной.
Под окном шарашится пурга
«Съесть?» —
Он сам до побеленья сжатый
кулачок...
Сучок мигнул: «Ага...»
Вот и в школе
юркая девчонка
подмигнет еще издали:
«Костик, хлебца...» -
засмеется тонко...
Тот отломит молча полкуска.
Что ей взять-то с дедушки-калеки,
мать с отцом -
беда так уж беда —
не вернулись с фронта,
и у Ленки
хлеб бывает только иногда.
Аккуратно слизывает крошки
с желобка игрушечной ладошки.
Ждет, когда он, дернув за косу,
буркнет ей:
«И завтра принесу».

II

Прибежит из школы—
глядь,
крыльцо
выметено.
Дома!
Тянет скобку...
Сунув ноги в жаркую духовку,
морщит мамка темное лицо.
Выдохнет прерывисто:
«Морока...»

Ноги —
два каленых кирпича.
Костик знает сам, почем мороз-то.
Подойдет, кирзушками стуча.
Сапоги, жакетка на поленьях,
полушалок, мокрые чулки...
Ожила.
Остались на коленях
только ярко-красные кружки.
«Ешь-ка — я сыта...,
давай без дури.
Говорю же, ела я, ну-ну...
Может, тюри сделать?
Хочешь тюри?..
Ох, опять! Несет же сатану». —
Стучает-пристучивает клюшка.
Костик знает, что наверняка.
к ним сейчас заявится старушка
сухонькая,
как ее клюка.
«Что приперлась?» -
Мать корежит гневом.
«Шибче, девка!
Зла в тебе-то, зла...
Мельница, та тоже мелет...
Эвон!
Не мальчонка - рази бы пришла.
На вот, —
тянет Костику гостинец,
молока замерзшего кружок. —
Ишь ведь, погрызун.
Мотри, остынешь.
Уж растай, растай его, дружок». —
К матери:
«Все модничаешь, девка? —
одевайся, дескать, потеплей, —
обезножишь ты,
куда он — детка?
Не себя, его хоть пожалей». —
«Тошно, тошно, —
шепчет мать бессильно, —
как растить мальчонку без отца?
Как без мужа мне?..» -
«А мне без сына
каково, кусай тебя оса?!
Говорю тебе,
не гневай неба,
радуйся, что хоть войне конец.
Без отца малец,
да не без хлеба...
Хлебушко теперь ему отец». —
Чу! Собаки хором, точно волки,
обывают стылую луну
(одичавших, темень их в поселке).
...Вместе плачут
и клянут войну.

III

Где ты, жалость?
Где ты, к Ленке жалость?
Почему?

Когда?
С какой поры
тяжело легла у сердца
жадность,
как собака возле конуры?
Стала душу медленно царапать...
Каблуком худого сапога
половицу ковыряет:
«Спрятать?..»
Зачастил сучок:
«Ага, ага...»
Лопаются мысли, как хлопушки,
а сучок лукаво — миг да миг...
есть в простенке брошенной хлевушки
тайничок...
Метель в лицо...
Тайник...
И опять шипит, змеится вьюга.
Жжет и жалит...
Снежные ножи:
«Жила, жила, - жикают, - жадюга!
Жадина, жадоба, жаба, жжи..»
Мой он, мой!..
Откуда этот вой?
Ходит ходуном конурка сердца.
В нем скулит косматый кто-то, серый,
мечется, затравленный и злой.
Стой, шельмец!
А он свое, горюха.
Где там,
если в сердце залегло
то, что каждый день терзало брюхо.
«Стой, — кричу...
Вокруг белым-бело!..
И не виден в этом белом мраке
мир, в котором я живу сейчас,
где, ошеломляя, у собаки
человечность светится из глаз.
И для доброй трети на планете
этот эпизод сейчас нелеп,
потому что взрослые и дети
смотрят с равнодушием на хлеб
Да и сам я,
тем бесхлебным годом
жизнь свою измерив,
сознаюсь:
вспоминая пережитый голод,
испытанья сытостью боюсь.
...«Стой!» — кричу...
Метнулась собачонка
из-под ног
и звонко из пурги
«Хлебца!»—
закричала, как девчонка...
Перевел дыхание.
Ни зги.
И назад.
Дрожащий, как травинка, -
сунул руку -
облачко у рта —

в тайничок...
Последняя нервинка
лопнула беззвучно.
Пустота.
По-акульи головы собачьи,
вынырнув из снежной пелены,
хохотом в метельном колебанье
пропадают тенями войны.
И ее,
себя ли проклиная,
плачет он,
как бабушка и мать...
Я пытаюсь дальше вспоминать...
Нарушаются воспоминанья.
Мир уже объявлен,
но покамест
это осмысляется общо,
мир пока еще повергнут в хаос,
пересотворяется еще.
Не хватает соли, спичек, мыла,
хлеба,
орбитального витка.
И наследник будущего мира
пересотворяется пока.
Он еще не ведает покамест,
что отдаст полблага своего,
если негр,
араб
или вьетнамец
«Костик, хлебца», —
спросят у него.
Но впервые у пустого хлева
понял он, сжимая кулаки,
что последнего кусочка хлеба
от своих не прячут в тайники.
Ну а я, как там,
за школьной партой,
вдруг опять
до боли в желваках
поражусь солдату в Трептов-парке
с девочкой
немецкой
на руках.